

В ПРИЕМЫ РАЗНЫЕ — ЦЕЛЬ ОДНА

Одним из самых поразительных и радостных явлений московской театральной жизни последних лет является мощный расцвет режиссеров среднего и молодого поколения. И дело не только в том, что за последнее пятилетие они громко и интересно заявили о себе, но и в том, что они становятся во главе многих театров. Причем, среди этих театров и старейшие, имеющие вековую традицию, как Малый, и рожденные во время революции, как театр имени Ермоловой или Ленинского комсомола, и совсем молодые, организованные именно волею театральной молодежи, как «Современник».

Интересно и то, что этот факт вовсе не означает «смены поколений». Отнюдь не теряют силы такие маститые режиссеры и руководители, как Юрий Завадский, Николай Охлопков, Рубен Симонов; большинство из новой плеяды режиссеров являются их учениками и продолжателями. Молодое поколение не бунтует против линии, намеченной их учителями, — оно хочет ее продолжения и углубления. В самом деле, посмотрим, кто же эти новые, молодые? Во главе Малого театра — исконный «вахтанговец» Евгений Симонов, столь же острый и изобретательный, как его отец Рубен Симонов, главный режиссер театра имени Евгения Вахтангова. Олег Ефремов — руководитель «Современника», воспитанник школы-студии Художественного театра и ярый защитник «системы Станиславского», ищущий современных форм для ее выражения. Анатолий Эфрос, возглавивший театр Ленинского комсомола, и Александр Шатрин — театр Ермоловой, — ученики режиссера Марии Кнебель, последовательной в своей верности духу и смыслу учения Станиславского. Борис Львов-Анохин — руководитель драматического театра имени Станиславского, ученик Алексея Попова, не менее смелого продолжателя идей Станиславского и Немировича-Данченко.

Пожалуй, наиболее опытен из всех новых руководителей театров Александр Шатрин. За его плечами солидный стаж профессиональной работы на периферии и в Москве.

Ставя и современную советскую драматургию и западную (среди современных западных драматургов им наиболее любим Эдуардо де Филиппо), он находит скатую театральную форму, подчиняя ей все найденные детали. Он умело строит неожиданные мизансцены, всегда оправдывая их ходом действия. Порою режиссер даже щеголяет своей изобретательностью, находящей опору в актерской игре. И тем не менее Шатрин — наиболее традиционен из всех названных режиссеров, как наименее традиционен — Евгений Симонов. В сущности, они поляры в своих приемах, хотя и исходят из общего понимания театрального искусства и его назначения в целом.

Евгений Симонов — острый и чувствительный к формам спектакля режиссер, смело экспериментирующий. И порою может показаться парадоксальным, что этот темпераментный художник поставлен сейчас во главе наиболее традиционного театра Советского Союза. Он следует учению Вахтангова о том, что каждая пьеса должна найти на сцене только ей

П. МАРКОВ, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР

присущую форму выражения. Эту задачу он преследует в любой своей работе и особенно над советским репертуаром.

Почти каждый из названных молодых режиссеров связан с советской драматургией. Евгения Симонова привлекает один из виднейших советских драматургов Алексей Арбузов. Еще будучи режиссером театра имени Вахтангова, Симонов поставил его «Иркутскую историю», завоевавшую большую сценическую известность не только на родине, но и за рубежом. Молодого режиссера увлекла и лирическая струя пьесы, и неожиданная для произведения о современной жизни форма — в пьесе введен хор, комментирующий поступки действующих лиц и непосредственно вмешивающийся в

Заметки о молодых режиссерах

действие. Придя в Малый театр, Симонов остался верен Арбузову. Его первым советским спектаклем на сцене старейшего театра была пьеса Арбузова «Нас где-то ждут». Здесь режиссер вновь воспользовался одним из основных приемов драматурга — непосредственным общением действующих лиц со зрителем. Такое сочетание лиричности с остротой формы и составляет, на мой взгляд, основную особенность Симонова. Сейчас режиссер готовится к шекспировскому юбилею — он отмечает его постановкой в Малом театре «Антония и Клеопатры».

Но если Симонов имеет дело с уже сложившимся театром, то у Анатолия Эфроса положение затруднительно. Он принял театр Ленинского комсомола, который за последние годы ставил немало пьес, но многие из них носили преимущественно водевильно-комедийный характер и не отличались большими художественными достоинствами. Эфросу придется многое начинать заново в этом театре. Но у него есть уже свой опыт. Будучи режиссером Центрального детского театра, он ставил пьесы для юношества, решающие проблемы выбора пути и жизненного самоопределения; он был первым постановщиком почти всех пьес популярного советского автора Виктора Розова, драматурга, чутко и внимательно задумывающегося о судьбах молодежи. Эфрос нашел в Розове своего автора, а Розов — своего режиссера. По сравнению с Симоновым Эфрос кажется почти аскетичным. Он не любит кричащей театральности, враждует со всяким наигрышем: подлинную театральность видит в умении глубоко, тонко и точно показать человеческие переживания и, надо сказать, часто приходит к успеху. Поэтому его появление в качестве главного режиссера в театре имени Ленинского комсомола заставляет с надеждой смотреть на будущее этого театра.

Только начинает свою деятельность в драматическом театре имени Станиславского

Борис Львов-Анохин. Круг его интересов широк и разнообразен. Он писал книги об Улановой, известном украинском актере Бучме, мы часто встречаем его отточенные, точно сформулированные статьи на страницах газет и журналов. Как режиссер, он поставил много спектаклей в театре Советской Армии. Теперь руководит театром, выросшим из последнего детища Станиславского, — организованной им Оперно-драматической студии. До Львова-Анохина театром руководили такие верные последователи великого режиссера, как Кедров и Яншин, и, надо сказать, что режиссерские черты Львова-Анохина очень подходят этому театру. Тонкий психолог, он и режиссер такого же тонкого вкуса. Ему присуща острота формы, но он строг в отборе выразительных средств и чрезвычайно последователен в проведении своих постановочных замыслов. Ему претит любая вульгарность на сцене: его мизансцены четки, чисты и прозрачны.

Есть у Львова-Анохина и свои пристрастия. Наиболее часто он ставит пьесы Леонида Зорина — драматурга, рассматривающего общественно-моральные проблемы, и Александра Володина, драматурга интимного и лирического. Своим дебютом на сцене театра Станиславского Львов-Анохин выбрал инсценировку замечательного произведения молодого советского прозаика, лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматова «Материнское поле».

Олег Ефремов стоит во главе театра «Современник». Он — и его основатель, и руководитель, и один из лучших актеров. Театр образовался из учеников школы-студии Художественного театра и молодых актеров других театров, увлеченных задачей последовательно проводить в жизнь очищенные и углубленные приемы системы Станиславского. В своем большинстве спектакли театра посвящены моральным и этическим проблемам, встающим перед современной молодежью, — теме долга и ответственности перед жизнью. Эта тема и составляет главный пафос творчества Олега Ефремова. Он решает ее очень вдумчиво, правда, но без неудач, от которых никто не застрахован, но всегда ответственно перед собой и коллективом. Может быть, главная черта Ефремова как руководителя — это умение объединить актеров, верящих в единую цель искусства и в единство путей, которыми достигается эта цель. И действительно, театр «Современник» представляет собою коллектив единомышленников, уже воспитавший немало отличных актерских дарований. Спектакли Ефремова точны по мысли, он не боится ярких сатирических красок, но в своей основе глубоко лиричен. Я думаю, что лиризм, порою очень затаенный, но всегда трепетный — основа режиссерской индивидуальности Ефремова.

С именами молодых, вступающих в пору артистической зрелости режиссеров связаны большие надежды. Эти режиссеры стремятся рассказать — каждый своими художественными приемами — о нашей современности, богатой идеями, общественно-социальными достижениями и интересными, глубокими характерами.

(АПН).